

ISSN: 2181-9416

1-SON, 2026

YURIST AXBOROTNOMASI

ВЕСТНИК ЮРИСТА * LAWYER HERALD

HUQUQIY, IJTIMOY, ILMIY-AMALIY JURNAL

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
e LIBRARY.RU

YURIST AXBOROTNOMASI

1-SON

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 1

LAWYER HERALD

ISSUE 1

САЛИЕВА Шахсанем Уснатдиновна
Докторант Института переподготовки и
повышения юридических кадров
при Министерстве юстиции
Республики Узбекистан
E-mail: shahsitta@gmail.com

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГЕНТСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):
САЛИЕВА Ш. Административно-правовое регулирование деятельности агентств в условиях цифровой трансформации государственных услуг // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 1 (2026) С. 36-43.

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена комплексному исследованию современного этапа развития административного права в государствах-участниках СНГ, характеризующегося концептуальным переходом от модели «государства-власти» к парадигме «сервисного государства». Автор проводит детальный анализ правовой природы государственных услуг как самостоятельного объекта регулирования, подчеркивая их роль в обеспечении законности и защите прав граждан. На примере Республики Узбекистан в статье выявляется существенный институциональный разрыв между нормативными требованиями обновленного Конституционного Закона «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» и реальной практикой функционирования государственных агентств.

Особое внимание уделено классификации агентств по критериям их иерархической подчиненности и функционального профиля. Автор доказывает, что сохранение «институциональной автономии» ряда ведомств и совмещение ими контрольно-надзорных функций с сервисными создает неустранимый конфликт интересов и препятствует созданию единого правового пространства. В контексте цифровой трансформации анализируется феномен «проактивных» услуг и риски алгоритмизации административных решений. В статье критически осмысливается «цифровой барьер» в виде обязательного использования электронной цифровой подписи (ЭЦП) и обосновывается необходимость перехода к человекоцентричным методам идентификации (Face ID, Mobile ID), что рассматривается как гарантия реализации конституционных прав граждан.

В качестве системного решения автор предлагает завершить имплементацию министерской вертикали власти и ускорить принятие специального Закона Республики Узбекистан «Об оказании государственных услуг». Научная новизна исследования заключается в обосновании трансформации агентств из бюрократических структур в высокотехнологичные фронт-офисы, где мерой эффективности выступает «общее благо», а гражданин признается конечным бенефициаром государственного механизма. Выводы статьи могут быть использованы для совершенствования национального законодательства и правоприменительной практики в сфере государственного управления.

Ключевые слова: административное право, агентство, государственные услуги, закон, сервисное государство, институциональная реформа, исполнительная власть, министерства, правоприменение, процедура, регулирование, цифровизация, законность.

SALIYEVA Shaxsanem Usnatdinovna

O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va
malakasini oshirish instituti doktoranti
E-mail: shahsitta@gmail.com

DAVLAT XIZMATLARI RAQAMLI TRANSFORMATSİYASI SHAROITIDA AGENTLIKLAR FAOLIYATINI MA'MURIY-HUQUQIY TARTIBGA SOLISH

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola MDH ishtirokchi-davlatlarida ma'muriy huquq rivojlanishining zamonaviy bosqichini kompleks tadqiq etishga bag'ishlangan bo'lib, unda davlatning "hokimiyat boshqaruvi" modelidan "servis davlati" paradigmasiga kontseptual o'tishi tahlil qilinadi. Muallif davlat xizmatlarining huquqiy tabiatini mustaqil tartibga solish ob'ekti sifatida batafsil ko'rib chiqib, ularning qonuniylikni ta'minlash va fuqarolar huquqlarini himoya qilishdagi o'rnini ta'kidlaydi. O'zbekiston Respublikasi misolida yangilangan "O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi to'g'risida"gi Konstitutsiyaviy Qonunning normativ talablari hamda davlat agentliklari faoliyatining real amaliyoti o'rtasidagi sezilarli institutsional tafovutlar ochib berilgan.

Agentliklarning iyerarxik bo'ysunuvi va funktsional profili mezonlari bo'yicha tasniflanishiga alohida e'tibor qaratilgan. Muallif ayrim idoralarning "institutsional avtonomiyasi" saqlanib qolishi hamda ularda nazorat-tekshiruv funksiyalarining servis funksiyalari bilan qo'shilib ketishi bartaraf etib bo'lmaydigan manfaatlar to'qnashuvini keltirib chiqarishini va yagona huquqiy maydon yaratilishiga to'sqinlik qilishini isbotlaydi. Raqamli transformatsiya kontekstida "proaktiv" xizmatlar fenomeni va ma'muriy qarorlarni algoritmlashtirish xavflari tahlil qilinadi. Maqolada elektron raqamli imzodan (ERI) majburiy foydalanish shaklidagi "raqamli to'siq" tanqidiy o'rganilib, shaxsning konstitutsiyaviy huquqlarini amalga oshirish kafolati sifatida insonga yo'naltirilgan identifikatsiya usullariga (Face ID, Mobile ID) o'tish zarurligi asoslab beriladi.

Tizimli yechim sifatida muallif ijroiya hokimiyatining vazirlik vertikalini to'liq joriy etishni yakunlash va "Davlat xizmatlarini ko'rsatish to'g'risida"gi O'zbekiston Respublikasi Qonunini qabul qilishni tezlashtirishni taklif etadi. Tadqiqotning ilmiy yangiligi agentliklarni byurokratik tuzilmalardan yuqori texnologik "front-ofislarga" transformatsiya qilish zaruratini asoslashdan iborat bo'lib, bunda samaradorlik mezonini "umumiy farovonlik" hisoblanadi, fuqaro esa davlat mexanizmining yakuniy benefitsiari sifatida e'tirof etiladi. Maqola xulosalaridan milliy qonunchilikni va davlat boshqaruvi sohasidagi huquqni qo'llash amaliyotini takomillashtirishda foydalanish mumkin.

Kalit so'zlar: ma'muriy huquq, agentlik, davlat xizmatlari, qonun, davlat xizmati, institutsional islohot, ijro etuvchi hokimiyat, vazirliklar, huquqni qo'llash, tartib-taomil, tartibga solish, raqamlashtirish, qonuniylik.

SHAKHSANEM Salieva UsnatdinovnaPhD student of the Training Institute for
lawyers under the Ministry of Justice
of the Republic of Uzbekistan
E-mail: shahsitta@gmail.com

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF AGENCY ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC SERVICES

ANNOTATION

This article is devoted to a comprehensive study of the current stage of administrative law development in the CIS member states, characterized by a conceptual transition from the "power-state" model to the "service state" paradigm. The author provides a detailed analysis of the legal nature of public services as an independent object of regulation, emphasizing their role in ensuring the rule of law and protecting citizens' rights. Using the Republic of Uzbekistan as a case study, the article reveals a significant institutional gap between the regulatory requirements of the updated Constitutional Law "On the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan" and the actual operational practice of state agencies.

Particular attention is paid to the classification of agencies based on criteria of hierarchical subordination and functional profile. The author demonstrates that the persistent "institutional autonomy" of several departments, combined with the merging of supervisory and service functions, creates an irreconcilable conflict of interest and hinders the establishment of a unified legal space. Within the context of digital transformation, the phenomenon of "proactive" services and the risks associated with the algorithmization of administrative decisions are analyzed. The article critically examines the "digital barrier" imposed by the mandatory use of electronic digital signatures (EDS) and substantiates the necessity of transitioning to human-centric identification methods (Face ID, Mobile ID) as a guarantee for exercising constitutional rights.

As a systemic solution, the author proposes finalizing the implementation of the ministerial vertical of executive power and accelerating the adoption of the special Law of the Republic of Uzbekistan "On the Provision of Public Services". The scientific novelty of the study lies in the justification for transforming agencies from bureaucratic structures into high-tech "front offices", where the measure of efficiency is the "common good" and the citizen is recognized as the ultimate beneficiary of the state mechanism. The findings of the article can be utilized to improve national legislation and law enforcement practices in the field of public administration.

Keywords: administrative law, agency, public services, law, state service, institutional reform, executive power, ministries, law enforcement, procedure, regulation, digitalization, legality.

Современный этап развития административного права в государствах – участниках СНГ характеризуется переосмыслением роли государства как поставщика публичных услуг и носителя сервисной функции. В этих условиях государственные услуги выступают не только формой реализации публичных полномочий, но и важнейшим инструментом обеспечения законности, защиты прав граждан и профилактики коррупции. При этом особое значение приобретает анализ **правоприменительной практики административно-правового регулирования**, в рамках которой выявляются реальные дефекты нормативной конструкции и институциональной организации системы государственных услуг.

В доктрине административного права стран СНГ в последние годы наметилась устойчивая тенденция к выделению государственных услуг в самостоятельный объект правового регулирования. Так, С. Л. Сергеевнин, И. С. Алёхина и А. К. Соловьёва справедливо подчёркивают, что государственные и муниципальные услуги перестали быть исключительно

управленческой категорией и приобрели юридическое значение как повторяемая форма административной деятельности, затрагивающая субъективные права заявителей [3]. Сданной позицией в целом следует согласиться, поскольку именно через оказание государственных услуг реализуется значительная часть индивидуальных административных решений. Вместе с тем представляется, что в ряде исследований акцент смещён преимущественно на сравнительно-правовой анализ законодательных моделей, тогда как проблематика **правоприменения** и институциональных отклонений от нормативной модели остаётся раскрытой недостаточно. В этом смысле обоснованной является позиция Х.Мелиева, который указывает, что фрагментарность правового регулирования государственных услуг и преобладание подзаконных актов приводят к расширению административного усмотрения и снижению уровня законности в практической деятельности органов исполнительной власти [3]. Данный вывод представляется особенно актуальным для государств с переходной моделью публичного управления.

В это связи мы солидарны с позицией зарубежных авторов Elkhan Richard Sadik-Zada, Andrea Gatto и Ibrahim Niftiyev предупреждают о «двустороннем мече» цифровизации: с одной стороны – прозрачность, с другой – риск злоупотребления большими данными со стороны государства для политического контроля [5].

Значительный вклад в развитие научной дискуссии внесли Э. В. Талапина и Д.Ю. Козяр (Двинских), исследующие феномен проактивных государственных услуг и алгоритмизацию административных решений [4]. Поддерживая вывод авторов о неизбежности цифровизации сервисных функций государства, следует вместе с тем отметить, что автоматизация процедур без надлежащего административно-правового оформления способна трансформировать, но не устранить коррупционные риски. Более того, в условиях недостаточной процедурной определённости алгоритмизация может затруднить обжалование решений и ослабить контроль за их законностью.

Кроме того, методологически важным ориентиром для оценки национальных моделей правового регулирования выступает Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О государственных и муниципальных услугах». [12] В отличие от фрагментарных подходов, характерных для многих национальных право порядков, данный акт предлагает комплексную конструкцию регулирования, включающую принципы оказания услуг, стандартизацию процедур, требования к прозрачности и механизмы оценки качества.

Ценность Модельного закона заключается в использовании его положений как **критерия для оценки правоприменительной практики, а не в прямом заимствовании**.

В Республике Узбекистан формирование системы государственных услуг происходит в условиях масштабных институциональных реформ. Существенное значение в этом контексте имеет Конституционный Закон Республики Узбекистан «О Кабинете Министров Республики Узбекистан», который закрепил обновлённую модель организации исполнительной власти и, в частности, требования к статусу агентств как органов, осуществляющих оказание государственных услуг и правоприменение в организационном подчинении соответствующих министерств [1]. Однако анализ текущего состояния положений 17 крупнейших агентств страны выявляет системный разрыв между законодательной дескрипцией и практической реализацией их статуса.

Согласно ст. 4 конституционного Закона, агентство определяется как орган, осуществляющий функции по оказанию государственных услуг и управлению государственными активами, который в обязательном порядке должен быть интегрирован в структуру министерства. В нарушение этого принципа значительная часть агентств

продолжает функционировать в режиме «институциональной автономии», что препятствует созданию единого правового поля оказания госуслуг.

Для наглядной иллюстрации выявленных проблем проведена классификация агентств по критериям их соответствия новой конституционной вертикали власти (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ соответствия статуса агентств требованиям конституционного Закона¹

Группа агентств по типу подчиненности	Представители	Функциональный профиль	Соответствие конституционному Закону	Научно-правовой риск
I. Группа министерской вертикали	Кадастровое агентство (при МЭФ), Агентство инновационного развития.	Преимущественно оказание специализированных госуслуг населению и бизнесу.	Полное соответствие	Риски минимальны; модель является эталонной для системы «Сервисного государства».
II. Группа прямого подчинения (Правительство)	Агентство культурного наследия, Агентство по делам молодежи, Агентство кинематографии.	Смешанный: реализация госполитики, надзор и производство услуг (молодежная политика, кино, реестры).	Не соответствует	Статусная избыточность; дублирование функций министерств; сложность административного обжалования.
III. Группа «особого статуса» (Президент)	Агентство по противодействию коррупции, Агентство социальной защиты, НАПП.	Координация стратегий, наднациональный мониторинг, цифровой контроль (E-Anticor).	Коллизионный статус	Противоречие ст. 4 конституционного Закона требует выделения в категорию «функционально автономных органов».
IV. Группа иерархических аномалий	Агентство карантина и защиты растений.	Надзорные функции совмещены с сервисными (фитосанитарные услуги).	Частично соответствует	Двойное подчинение (Кабинету Министров и министерству) размывает административную ответственность.

Так, проведенный выше анализ полномочий агентств в аспекте совершенствования административно-правового регулирования позволяет выделить три критические проблемы:

во-первых, деформация иерархической подчиненности, а именно передача Агентства по кадастру в структуру Министерства экономики и финансов продемонстрировала эффективность унификации. Однако сохранение «автономных» агентств при Кабинете Министров создает своего рода «цифровые острова» – изолированные административные регламенты, которые не интегрируются в общую систему электронного правительства (E-gov).

во-вторых, произошло функциональное смешение, поскольку в большинстве изученных Положений (в частности, Агентства технического регулирования и Агентства культурного наследия) **функции контроля не отделены от функций оказания услуг**. С точки зрения административного права, это создает неустранимый конфликт интересов, так как настоящий орган самостоятельно устанавливает стандарты услуги и сам же проверяет их соблюдение.

в-третьих, на практике имеется терминологическая неопределенность, которая прослеживается при изучении норм в Положениях термина «орган государственного управления» вместо «республиканский орган исполнительной власти» консервирует бюрократические методы работы, препятствуя трансформации агентств в сервисные фронт-офисы.

Думается, что для совершенствования административно-правового регулирования государственных услуг необходимо завершить имплементацию норм конституционного Закона, обеспечив переход всех сервисных агентств в ведение профильных министерств.

¹ Настоящая таблица подготовлена автором на основании анализа Положений 17 агентств в стране, информация взята из Национальной базы данных законодательства lex.uz

Это позволит трансформировать их из «мини-министерств» в технологичные платформы, работающие по единым стандартам административного обслуживания.

Анализ правоприменительной практики показывает, что положения конституционного закона реализованы не во всех случаях. Сравнение действующих положений отдельных агентств с требованиями статьи 4 указанного закона выявляет расхождения между нормативной моделью и фактической практикой, выражающиеся в двойственной подчинённости органов, сохранении устаревшей терминологии и расширительном толковании функциональных полномочий. Эти отклонения носят **системный характер и непосредственно отражаются на законности оказания государственных услуг.**

Более того, переосмысление роли государства в условиях цифровизации опирается на фундаментальный переход от «государства-власти» к модели «государства-поставщика услуг». Как отмечает И. А. Хамедов, эта парадигма требует трансформации управленческой культуры: от бюрократической иерархии к философии «заботы о клиенте», где мерой эффективности выступает «общее благо». В этой системе координат гражданин признается не просто объектом управления, а «конечным бенефициаром» государственного механизма [6]. Таким образом, «сервисное государство» – это не только технологическое обновление, но и новая «справедливая мера» реализации публичной воли в интересах общества.

Практическая реализация сервисной модели в Узбекистане сталкивается с институциональной раздробленностью. Исследование Е. Кутыбаевой и Р. Саекеевой выявляет критические разрывы в правовом статусе агентств, особенно на уровне Республики Каракалпакстан. Авторы указывают на отсутствие единого механизма взаимодействия между центральными и региональными звеньями управления, что порождает **«институциональную неопределённость»**. Без законодательного закрепления четкого статуса территориальных подразделений и внедрения единых административных регламентов, цифровизация в регионах рискует остаться фрагментарным процессом, не обеспечивающим равный доступ к услугам [7].

Особенно отчётливо данные проблемы проявляются на региональном уровне, что подтверждается практикой Республики Каракалпакстан. В научных работах С.Б. Аманиязовой [8] и Г. К. Шагиловой [9] обоснованно отмечается, что цифровизация деятельности исполнительных органов в регионе способствует повышению доступности государственных услуг. Вместе с тем представляется, что региональная практика выявляет и иные аспекты проблемы – прежде всего институциональную неопределённость территориальных подразделений агентств и недостаточную унификацию административных процедур в том числе.

С точки зрения научной полемики данный вывод позволяет уточнить оптимистичные оценки цифровизации государственных услуг. Как показывает практика Каракалпакстана, внедрение электронных сервисов не устраняет правоприменительные риски при отсутствии единых процедурных стандартов и чёткой подотчётности органов. Latupeirissa et al. (2024) постулируют, что успех цифровизации зависит не только от технологий, но и от институциональных изменений – перехода от жесткой бюрократической иерархии к модели, ориентированной на гражданина (citizen-centricity) [11].

На фоне институциональных проблем особую остроту приобретает вопрос доступности цифровых инструментов. З. Рахмонов обоснованно квалифицирует зависимость граждан от электронной цифровой подписи (ЭЦП) как существенный административный барьер. С точки зрения административного права, сложность и техническая нестабильность ЭЦП ограничивают конституционное право на доступ к госуслугам. Предлагаемый Рахмоновым

переход к идентификации через **Face ID, Mobile ID и ПИНФЛ** является не просто техническим решением, а реализацией доктринального принципа «человекоцентричности», устраняющим «цифровой разрыв» между государством и личностью. [10]. С точки зрения административного права, тезис З. Рахмонова следует рассматривать не просто как техническое предложение, а как требование обеспечения конституционных прав граждан. Использование ЭЦП в ее нынешнем виде зачастую консервирует бюрократические подходы, а именно необходимость физического получения ключа, привязка к конкретному программному обеспечению и риски утраты носителя данных вступают в противоречие с принципом **«человекоцентричности» (citizen-centricity)**, признаваемым в международных исследованиях. Безусловно, цифровая трансформация системы оказания государственных услуг – это не просто перенос бумажных процессов в электронный вид, а пересмотр самих основ взаимодействия государства и общества, где приоритетом становится защита прав человека, в том числе его персональных данных.

Переход к альтернативным методам идентификации Face ID, Mobile ID и использованию ПИНФЛ – обосновывается необходимостью создания безбарьерной среды. Это позволяет решить сразу несколько правовых задач:

Во-первых, обеспечивается реальное равенство граждан в доступе к государственным услугам, независимо от их уровня владения сложными цифровыми инструментами.

Во-вторых, биометрическая идентификация минимизирует риски фальсификации административных процедур, усиливая законность и защиту персональных данных.

В-третьих, именно упрощенная идентификация является фундаментом для внедрения «проактивных» услуг, когда государство инициирует помощь гражданину без его прямого обращения, основываясь на данных жизненных ситуаций.

Следовательно, мы солидарны с выводом о том, что цифровая трансформация государственного управления в Узбекистане должна опираться на незыблемость административно-правового каркаса. Предложения З. Рахмонова по внедрению современных методов аутентификации должны найти свое прямое отражение в проекте Закона Республики Узбекистан «Об оказании государственных услуг». Это позволит трансформировать деятельность агентств из механического правоприменения в высокотехнологичный сервис, ориентированный на эффективную защиту интересов личности.

Таким образом, анализ доктринальных подходов учёных СНГ, положений Модельного закона МПА СНГ и правоприменительной практики Республики Узбекистан позволяет сделать вывод о том, что ключевые проблемы административно-правового регулирования государственных услуг носят институциональный и процедурный характер. Их преодоление требует не только совершенствования подзаконного регулирования, но и формирования системного законодательного подхода. В этой связи представляется обоснованным принятие специального Закона Республики Узбекистан «Об оказании государственных услуг», который обеспечил бы согласованность правоприменительной практики с конституционной моделью исполнительной власти и способствовал бы укреплению законности в сфере эффективности государственного управления.

Кроме того, анализ деятельности Министерства юстиции в партнерстве с ЕС и ПРООН за 2025 год позволяет констатировать переход к качественной институционализации системы государственных услуг. Ключевыми маркерами этой трансформации стало разработка профильного Закона и приоритезация проактивных и композитных моделей оказания услуг, что минимизирует участие гражданина в административных процессах, а инвестиции в человеческий капитал через обучение специалистов методологиям BPR (реинжиниринг

бизнес-процессов), Big Data и ИИ, что закладывает фундамент для перехода к государственному управлению на основе данных (Data-driven governance) [13].

Исследование подтверждает, что переход к модели «сервисного государства» в Узбекистане и странах СНГ требует не только технологического обновления, но и глубокой ревизии административно-правовых институтов.

Выявлено несоответствие статуса ряда агентств нормам Конституционного Закона. Сохранение их автономности и совмещение контрольных функций с сервисными создает почву для конфликта интересов и нарушает иерархическую стройность исполнительной власти.

Автоматизация и алгоритмизация госуслуг (*проактивные государственные услуги, Big Data*) без надлежащего правового оформления могут ограничивать права граждан на обжалование. Переход к упрощенной идентификации (Face ID, Mobile ID) обоснован необходимостью обеспечения реального, а не формального равенства в доступе к государственным услугам.

Необходимо ускорить принятие специального Закона Республики Узбекистан «Об оказании государственных услуг». Это позволит устранить терминологическую неопределенность, завершить трансформацию агентств в высокотехнологичные «фронт-офисы» и окончательно закрепить приоритет интересов гражданина как конечного бенефициара государственной деятельности.

CHOCKI/IQTIBOSLAR/REFERENCES:

1. Конституционный Закон Республики Узбекистан от 25.10.2024 г. № ЗРУ-982 «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» URL: <https://lex.uz/ru/docs/7172670>.
2. Meliyev X. Davlat xizmatlari sohasida raqamli texnologiyalarni qo'llashning ayrim jihatlari // Odillik mezoni. – 2025. – № 6. С.12-13.
3. Сергеев С. Л., Алёхина И. С., Соловьёва А. К. Формирование правовых основ государственных и муниципальных услуг в государствах-участниках СНГ // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravovyh-osnov-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug-v-gosudarstvah-uchastnikah-sng>.
4. Талапина Эльвира Владимировна, Козьяр (Двинских) Дарья Юрьевна Проактивные государственные услуги: на пути к алгоритмизации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proaktivnye-gosudarstvennye-uslugi-na-puti-k-algoritmizatsii>.
5. Sadik-Zada, E. R., Gatto, A., & Niftiyev, I. (2024). E-government and petty corruption in public sector service delivery. *Technology Analysis & Strategic Management*, 36(12), 3987–4003. <https://doi.org/10.1080/09537325.2022.2067037>.
6. Хамедов И.А. Некоторые вопросы дальнейшей демократизации и модернизации государственной власти и управления и административно-правового обеспечения этих процессов в Республике Узбекистан // Жамият ва бошқарув 2013 №1. С. 14-25.
7. Кутыбаева Е., Саекеева Р. Правовой статус агентств в Республике Узбекистан и Республике Каракалпакстан // Демократизация и права человека – 3/2023. <https://doi.org/10.34920/p1696-2206-6326-y>.
8. Amaniyazova S. B. Qoraqalpog'iston Respublikasi ijro etuvchi hokimiyat organlari faoliyatida raqamlashtirishning huquqiy asoslari: avtoref. diss. ... PhD. – Nukus, 2022.
9. Shagilova G. K. Qoraqalpog'iston Respublikasida elektron hukumatni rivojlantirishning huquqiy masalalari: avtoref. diss. ... PhD. – Nukus, 2024.
10. Raxmonov Z.Z. Davlat xizmatlarini ko'rsatish sohasini takomillashtirish: o'quv-uslubiy qo'llanma / Z. Z. Raxmonov. – Toshkent : Dimal, 2025. – 46 b.
11. Latupeirissa, J. J. P., Dewi, N. L. Y., Prayana, I. K. R., Srikandi, M. B., Ramadiansyah, S. A., & Pramana, I. B. G. A. Y. (2024). Transforming Public Service Delivery: A Comprehensive Review of Digitization Initiatives. *Sustainability*, 16(7), 2818. <https://doi.org/10.3390/su16072818>.
12. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. Модельный закон «О государственных и муниципальных услугах». – 2022. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni.
13. Yil sarhisobi va kelgusi rejalar // <https://t.me/eu4uz/10391>.

YURIST AXBOROTNOMASI

1-SON

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 1

LAWYER HERALD

ISSUE 1

ISSN 2181-9416

2026-YIL